

АННА ПОПОВА

АННА ПОПОВА

ДОРОГА
СИЛЬНЫХ

НА
ПОРОГЕ
МИРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П58

Дизайн обложки *Елизаветы Федуловой*

Попова, Анна.

П58 Дорога сильных. На пороге мира / Анна Попова. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Young Adult. Противостояние сил).

ISBN 978-5-17-160587-2

В этот мир забрали многих, но выжили далеко не все. Линде повезло не погибнуть — но и только. Близкий человек умер у нее на руках, магическим даром обделили, а судьба простой девушки не для нее.

Виктор любил фехтование, но никогда не думал, что это пригодится в реальной жизни. Теперь он воин, который может рассчитывать лишь на свои умения.

Они помнят больше других, но память подводит, подкидывая чужие воспоминания. Маг, спасший из рук врагов, хранит свои темные тайны. А по лесам рыщут те, кто снится в кошмарах, не оставляя попыток найти выживших — выходцев из иного мира. И близок час, когда у них это получится.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Анна Попова, текст, 2023
© Мария Фаткина, иллюстрации, 2023
© Мария Тарасова, иллюстрации, 2023
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-160587-2

Глава 1

Мия

Она проснулась, громко всхлипнув, и села рывком. Сердце колотилось как сумасшедшее, тело дрожало, а в уши будто ваты набили — до того тихой показалась комната после шумного сна. Чужого сна.

...воплъ матери до сих пор отдавался болью в теле. Крутил внутренности и звенел в голове. Лиза упала на колени в желто-серый песок и зарыдала.

— Вставай!

Сестра вцепилась не хуже бульдога, потянула. Лиза затрясла головой.

— Вставай же уже! Иди!

Идти не хотелось. Хотелось лечь рядом с мамой и больше не шевелиться, не чувствовать. Как она.

Мия крепко зажмурилась, провела ладонями по лицу, стирая слезы и пот, а вместе с ними и липкую паутину кошмара. Опять Лизкины сны которую ночь спать не дают. Будто своих мало.

Реальность вползала в нее медленно, включала звуки и запахи. Тихий храп кого-то из приболевших девчонок, ровное дыхание Маргариты на соседней лежанке. Пахло деревом, смолой, сушеными травами, дымом и немножечко потом.

Тихо, замирая от каждого шороха и скрипа матраса, набитого сеном, девочка сместилась вниз. Встала, придерживаясь за доски над головой — на втором ярусе тоже спали, — и перешагнула через ноги Алины.

Деревянный настил здесь был широченный, и ложились по двое. Шестеро внизу и четверо наверху. У другой стены, на мужской стороне, были такие же лавки с матрацами, с той лишь разницей, что не висели перед ними полотно ткани, изображая мнимое уединение. Посередине очаг и две основательные скамьи, у стены — сундуки для одежды. Вот и все убранство общей спальни.

Мия коснулась босыми ногами пола, поехала. Весна к концу идет, а ночью порой холодно, как в середине марта. Зашарила по полу, разыскивая кожаную обувь. Каждый вечер она ставила ее перед своей постелью, но так редко находила потом на месте: кто-нибудь обязательно сбивал, путая свое и чужое.

Широкая занавесь, почти в размах ее рук, подсвечивалась рыжим: кто-то встал среди ночи и подбросил в очаг дров.

Интерес, досада, волнение — чужие эмоции коснулись ее невесомым дыханием. Пальцы замерли у щиколотки, так и не затянув шнурки. Затылок будто чесался от стороннего взгляда.

Мия задрала голову вверх. Линда смотрела, свесившись с лежанки. Темно-рыжие волосы пушились вокруг головы, а глаза, днем зеленые, сейчас казались черными.

— Опять сны? — едва слышно спросила девушка.

Мия кивнула, прикусив губу. Почти месяц прошел, но всем продолжало сниться тревожное — тот день и прошлая жизнь. Даже мальчишкам. Даже тем, кто не признавался.

— Милая моя. Хочешь, вместе полежим? Лезь ко мне, только тихо, чтобы Хильда не разоралась.

Снова лечь? Ну уж нет. Не сейчас. Горечь чужого сна забила горло, и ей нестерпимо хотелось...

— Пить, — хрипло выдохнула она. — Я хочу пить. И на воздух.

Вместо ответа Линда спрыгнула вниз. Легко, едва слышно. Лишь качнулось от порыва полотно да мелькнули голые ноги. Оправила рубаху и улыбнулась. Мия, отдернув полог, шагнула прочь, на общую середину.

Замерла, ожидая окрика Хильды, старой хромой ведьмы, что присматривала за девчонками и спала тут же,

на скамье. Но было тихо, и Мия поежилась. Зябко и очень тревожно, но почему — не понять.

— А ведьмы-то нашей нет, — громким шепотом возвестила Линда, которая скользнула мимо девочки, обдав теплом с запахом ромашки и мяты. — И Торна тоже. Странно все это.

Странно — не то слово. Торн, воин тэна Рейнара, пожилой, но еще крепкий мужчина, ночами предпочитал сон. Хильда же и вовсе от девушек далеко не отходила и все ворчала, что не ткань у постелей вешать надо было, а стену ставить. Да покрепче. Столько юнцов в одном доме — не к добру.

Мия вздыхала и мысленно с ней соглашалась. А еще — мечтала о собственном уголке, пусть чуланчике, но отдельном.

Ей и раньше-то было сложно с людьми, чужие эмоции липли настойчиво, порой накрывая с головой. А тут... Двадцать ребят в одной комнате, а с ведьмой и воином и того больше. И для местных многовато, а уж для деток иного мира вовсе чересчур.

Иногда все эти люди казались девочке единым существом, многоруким и многоногим, дышащим невпопад, чихающим, стонущим и храпящим.

Иногда казалось, что она сойдет здесь с ума.

— А давай-ка ты в кровать вернешься, а я за водой схожу, — предложила Линда.

Пальцы ее взлохматили рыжую гриву, и без того растрепанную, взгляд просверлил дверь, ведущую на хозяйственную часть дома.

Волнение, и азарт, и самая капелька страха — как приправа для ощущений. Чувства девушки, кажется, передались и ей, и Мия мотнула головой.

— Я здесь не останусь, — прошептала она.

Линда шагнула к своей лежанке и через минуту уже вернулась, в штанах и подпоясанная. Щеки Мии полыхнули жаром, она кинулась к своему месту — натянуть юбку. Сейчас бы из комнаты в одной рубашке выскочила! И пусть та закрытая и до середины бедра, но по местным меркам в таком виде ходить жуть как неприлично.

— Идем, — сказала Линда и шагнула к двери.

Заботливое участие, интерес, легкая злость. Мия протянула руку, чтобы коснуться спины Линды, но предупредить не успела.

— Лин.

Та вздрогнула и обернулась. Взгляд девочки заметался от Виктора, его синих глаз, в которых чудился укор, к зеленым глазам Линды, сердито сощуренным, полным негодования. Упал на ладони девушки, скользнул по стали ножа. Мия на вдохе ахнула, пальцы взлетели к губам, гася вскрик. Витька хмыкнул.

— Опять за нож хватаешься?

Девушка вздернула подбородок.

— И что? Мне так спокойнее. Я же не Марго.

— Да, ты не Марго, — согласился парень. — Собрались куда?

— Не твое дело.

Виктор вздохнул.

— Лин, не начинай, а?

Девушка фыркнула, ладони ее уверенно отправили оружие в ножны на поясе. Нож полагался каждой взрослой свободной девушке, но только Линда хваталась за него с такой охотой.

— Ни Хильды, ни Торна, — задумчиво проговорил Виктор. — И Дениса увели.

— Чего?!

Одна из девчонок тоненько вскрикнула во сне, другая на нее заворчала.

— Тише ты! — шикнул на девушку парень, — всех перебудишь...

Он сказал что-то еще, но Мия его уже не слышала. Сердце бухнуло, пульсация затопила тело, отдаваясь глухими ударами в ушах. Девочка хватанула ртом воздух, задыхаясь, пытаясь не поддаваться панике. Качнулась, и под колени ткнулась скамья. Рухнула на нее, вцепилась пальцами в край, неумело выстраивая барьер, но волна, липкая, мерзостная, уже схлынула. Быстро, словно и не было ее.

— Ты чего?

Линда уселась рядом, красивое лицо исказилось тревогой. Мия сморгнула слезы.

— Не знаю, — прошептала она. — Там... что-то творится. И мне надо на воздух.

Парень с девушкой переглянулись и, не сговариваясь, повели — едва не потащили — ее к выходу.

За дверью, в общем зале, было тихо, похрапывал только, прикорнув на лавке, кто-то из воинов. Еще два голоса слышались от угла, где хранили воду в бочках, и Мия, шепча заветное «пусть нас не увидят», обогнула столы со скамьями и шагнула за порог.

— Ну как, легче?

Девочка глубоко вздохнула.

— Да, но...

Ночной воздух, пахнувший свежестью, соснами и дымом жаровен, едва не звенел от творимой магии. Повела пальцами, будто окуная их в поток, и нахмурилась.

— Плохо, — уронила она и облизнула пересохшие губы. — Если бы магия была водой, я бы сказала, что она соленая и пахнет металлом. И...

— Кровью, — произнес Виктор.

Девочка метнула на него взгляд. Тоже чует? Нет, не может быть.

— Иди-ка в кровать...

— Нет.

Она не стала объяснять, что чувствует за спиной чужое недоумение: вроде и видел кого, но — кого? И видел ли? Но назад сейчас не вернуться, такие трюки легко не выходят. А значит, надо идти вперед.

Туда, откуда магией «пахнет».

Зачем? Сама себе бы не ответила.

Она метнулась от двери, двигаясь вдоль стены. За спиной чертыхнулись тихо, в несколько шагов догнав. За руки хватать не стали, и на том спасибо.

— Там, — сказала она, огибая очередной сарай и останавливаясь на границе света.

Маленькая деревенская площадь, на другой стороне — дом, старый, длинный, на невысокой крыше трава проросла. Не дом, а сарай для скота какой-то. Может, таким и был — до всего этого.

— И что там? — нетерпеливо спросила Линда.

Мия стиснула пальцами плотную ткань юбки. Она могла бы сказать, что людских эмоций так далеко не чует, а в магии, как Павел или Рита, не разбирается. Да и что

магия эта — грязная, на крови замешенная — там есть, поручиться не может.

— Не знаю, — ответила Мия и опустила голову.

От Линды дохнуло раздражением, но девушка быстро взяла себя в руки. Улыбнулась, шепнула:

— Ничего. В любом случае это интересно.

Мия скривились. Все они считали ее если и не больной, то... с особенностями. И Линда не исключение. Девушка была неизменно доброжелательна, но всегда так осторожна, словно опасалась ненароком обидеть или спровоцировать паническую атаку. Это умиляло и бесило одновременно.

— Хильда.

Девочка вздрогнула, оглядываясь, и Виктор кивком указал на дом-сарай. Дверь уже закрывалась, но Мия успела разглядеть в освещенном проеме знакомый силуэт. Ведьма захромала через площадь, мимо жаровни, у которой грелась парочка мужчин. Огонь выхватил из темноты ее наряд — сапоги на шнуровке, какие бывают у воинов и охотников, синяя шерстяная юбка, рубашка и шолла — накидка-фартук с двумя большими карманами. Женщина сделала пару шагов, и осветились темные с проседью волосы под косынкой и лицо: крупный нос, губы, сжатые в линию. Черные глаза глянули, казалось, прямо на Мию, и девочка шарахнулась в тень. Сердце бухнуло, заколотилось.

— ...Мия, — донеслось как сквозь вату.

Виктор схватил за плечи, развернул к себе.

— Слышишь меня?

Она медленно кивнула.

— В комнату возвращайся. Только не здесь, а через конюшню. Увидит кто — говори, что приспичило выйти, заблудилась. Поняла?

Легонько сжал ее плечи, и она будто очнулась.

— Я не смогу. Я врать не умею.

— Самое время научиться, — пробормотала Линда.

— А вы?

Парень глянул на девушку, та высунулась из-за угла и, шипя что-то недоброе, сразу же отпрянула.

— Не успеет.

— Мы отвлечем, — сказал Виктор, и губы его дрогнули в шальной усмешке.

Девочка кивнула, с изумлением наблюдая, как рука парня скользнула Линде на талию, притянула ближе, уверенно, словно это дело обычное. «Сейчас огребет», — болезненным любопытством застучало в голове. Врежет она как пить дать, или словом, или чем-то более материальным. Кулаком, например.

Не врезала.

— Беги уже.

Ладонка Линды пристроилась на плече у Вика.

— С ума сойти, — прошептала Мия и, держась стены дома, быстро зашагала к воротам сарая, приспособленного под конюшню.

За спиной послышался гневный окрик Хильды, голоса ребят, которые виновато оправдывались. Девочка не обернулась, сосредоточилась лишь на ощущениях и дороге. Небо на востоке светлело, следовало спешить. Джеррские ночи в конце весны короткие, а летом солнце и вовсе едва заходит. Север, что тут скажешь.

Вот и конюшня. Обогнуть ее, пройти огородами вдоль частокола — на этом участке охрана редко встречается — и окажешься возле дома. Дома... эх! Мия замерла, ткнулась лбом в стену. Тихо, как же там тихо! Тепло, темно, тихо. Спрятаться бы ото всего. Зажмуриться и поверить, что, когда откроешь глаза, все исчезнет, словно дурной сон.

Нет. Не выйдет.

Она — здесь. Сейчас. И надо бы не высовываться из спальни, даже если не спишь. Сидеть тихонькой мышкой, притворяться, что все нормально, что она всем довольна и странные сны и ритуалы не смущают совсем.

Ей не нужны ответы.

Но она — здесь. И может что-то узнать. Не для себя, для других. Для Витьки, что таится, но тянется к истине. Тимура, вечно хмурого, с закрытыми для нее мыслями, но такого открытого в остальном. Линды, что мечется, не доверяя своей памяти, не зная, где истина, а где ложь. Для тех, кого считает друзьями.

Девочка выпрямилась и двинулась вдоль стены. Совсем не в ту сторону, куда собиралась вначале: за углом

была деревенская площадь, вовсе не огороды. Вдохнула, выдохнула, успокаивая биение сердца.

Тут пьют, там ругаются, на смотровой вышке отчаянно хотят спать. Магия вновь густо разлита в воздухе, от старого дома-сарая просто разит.

— Я не герой, — выдохнула девочка и пошла дальше.

Ноги, словно чужие, понесли вперед, мимо мужчин у огня к старому дому с заросшей травой крышей. Кто-то окликнул, она сделала вид, что джерра не понимает, да и вообще слышит плохо. «Раз-два-три-четыре...» Считая шаги, как по ниточке, шла она к дому, а взгляд ловил детали. Чья-то ладонь на рукояти меча, топорик с гравировкой за поясом, кожаные браслеты на предплечьях, кольцо с варварски огромным рубином, но не на пальце, а на шейной гривне. Волосы, распущенные или забранные в низкий хвост, бороды, короткие и подлиннее, заплетенные в косы. Колючие голубые глаза. Запах пота, лошадей и алкоголя. Сила и ярость, которая как бойцовский пес на коротком поводке: стоит лишь спустить — порвет всех.

Она подошла почти вплотную, чувствуя, как ее, такую маленькую, обступают кругом эти медведи, удивленные, раздраженные, но еще не злые.

— Чего надо?

Повернула голову влево, взгляд уткнулся в широкую мужскую грудь. Старенькая, но чистая льняная рубаша с затейливой вышивкой, шерстяной плащ, заколотый фибулой. Посмотреть выше не решилась. Собственный голос был похож на писк:

— Грен Лусар нужен.

— Занят.

Куснула губу, вдохнула прерывисто. В глазах дрожали слезы.

— Очень нужен.

Ей и вправду хотелось плакать — от холода, жажды и страха. Но лишь передернула зябко плечами и задрала голову, заглядывая в глаза. Мужчина поморщился, буркнул что-то на джерре и исчез в доме.

«Пожалуйста, только не говорите со мной! Не обращайтесь внимания...» — взмолилась мысленно Мия и приготовилась к долгому ожиданию. Но дверь распахнулась

быстро, пропуская воина обратно. Девочка вытянулась, скользнула взглядом внутрь в надежде что-нибудь рассмотреть. Плотный дым клубами по полу, спины мужчин, светло-рыжая шевелюра — уж не Юлина ли? И еще один человек, чье появление заставило сердце прыгнуть к горлу.

Раздражение и досада — яркие, живые эмоции. Коснулись на миг, и тут же он закрылся, будто вспомнив, с кем имеет дело.

— Мия?

— Да, — отозвалась девочка и встретила взглядом с мужчиной, прикрывшим за собой дверь.

Глаза грена Лусара, большие, карие, смотрели внимательно и, казалось, лезли в самую душу, выворачивая наизнанку. Она моргнула, уставилась на нос. Хороший нос, прямой и с небольшой горбинкой, как у римских статуй в Эрмитаже. Говорят, у всех таэллийцев такой. А рот неприятный, с губами пухлыми и какими-то немужскими. И сам маг хоть и нетолстый, но холеный, мягкий на вид. Подбородок брит, темные волосы аккуратно стянуты в низкий хвост. Одежда богатая, густо украшена вышивкой, на груди рядами цепи с подвесками. Сразу видно — не воин. Не то что местные.

На нем ее чутье всегда пасовало, оставляя лишь сухость во рту и неясную тревогу.

— Ты искала меня?

— Да.

— Зачем?

Мия облизнула пересохшие губы.

— Я... не знаю. Мне тревожно. Опять эти сны. Снова тот день...

Она замолчала, комкая в ладонях ткань юбки, понимая: заговорила о том, что волнует. Что никак не перестанет волновать. Мужчина кивнул, призывая продолжить. Мия вздохнула.

Да, тот день, для кого-то обычный — середина лета, жара, каникулы, — для нее оказался переломным. В город она выезжала редко, а тут — решили. Мие неделю как четырнадцать исполнилось, а с подарком она так и не определилась. И... бабушка настояла, да еще и Марту Иванову с ней отправила. В торговый центр, по магазинам прогуляться, развеяться.

Хорошо хоть сама не поехала, иначе девочка потеряла бы их обеих.

Поначалу все было весьма неплохо, даже люди — веселые или раздраженные зноем и своими проблемами — не очень пугали. Да и не так уж их много было, разве что возле кинотеатра, где опять показывали что-то новое, крутилась молодежь. Марта Ивановна двигалась, словно крейсер: от книжного мимо фудкорта к магазину для творчества. Мия тащилась следом. По нервам, вечно оголенным, били чужие эмоции.

Миг, когда все изменилось, кажется, уловила она одна. Раз — и к обыденной круговерти словно прибавился чей-то взгляд, недобрый, внимательный. Девочка споткнулась, заозиралась в попытке найти его, а найдя — укрыться подальше. Стало душно, будто разом все системы переключились на обогрев. Подул ветер, вздымая пыль, ноги увязли в песке. В песке?! Мир, такой простой и привычный, качнулся, стал рыжим и зыбким, и другие люди наконец-то это заметили. Женщина с малышом, столик которых они только прошли, закричала, громко и страшно, и крик этот резанул по ушам. Мия дернулась с места, каким-то чутьем ощущая: тот свет впереди — единственный выход.

Ветер рвал волосы и сушил слезы, вбивал воздух в горло, мелкие камешки секли кожу, а девочка шла и шла сквозь эту пыльную бурю. Не оглядываясь. Не пытаюсь понять. Почти не слушая крики других людей. А они кричали. Визгливо и на надрыве — женщины, зло и болезненно — мужчины. Обреченно ревели малыши на детской площадке. Замолкали слишком быстро, и Мия запретила себе даже смотреть на них.

Она не могла помочь.

Ничем.

Никому.

Знание это пришло вместе с тем взглядом, что давил со всех сторон, вместе с ветром и зноем, вместе с болью, пронзающей тело, и все, что ей оставалось, — идти. Двигаться к мутной цели в надежде остаться в живых.

— Что ты молчишь?

Девочка разлепила пересохшие губы, выдохнула:

— А что мне сказать? Все это было... страшно. Слишком страшно, чтобы думать об этом. Они... они падали и оставались там. И умирали, я знаю. А я...

Она втянула со всхлипом воздух и зашептала едва слышно:

— ...я двигалась дальше. Хотела помочь им, правда, но... не сделала и шага в их сторону. Я не могла... и это неправильно. Ведь были те, кто смог. Были же?

Закусив губу, девочка замолчала. Пальцы до боли стиснули ткань юбки, сжатую в кулаках. Некстати вспомнился сон. Если обе сестренки здесь, значит, кто-то кого-то вытащил. Но как? Каждый сам за себя... или нет?

Лицо грена Лусара, слепок равнодушия, не выражало ничего. Глаза изучали ее бесстрастно, как подопытного зверька. Она и чувствовала себя этим зверьком, маленьким кроликом перед удавом. Но вот восковая маска дрогнула, губы сложились в участливую полуулыбку.

— Бедная девочка, ты дрожишь. Подойди ближе. Сядь.

Мужчина шагнул к ней, и Мия едва сдержалась, чтобы не отпрянуть. От него пахло мылом, травами и... кровью. Коснулся ладонью ее спины, легонько подталкивая к стене, у которой лежало бревно.

В лицо вновь дохнуло теплом и чем-то горьковато-сладким, дверь приоткрылась, высунулся грен Иртен. Щуплый, рыжий, вечно какой-то всклокоченный, по виду лет двадцати восьми, не больше.

— Лусар, ты скоро? Мы...

— Жди! — коротко оборвал его старший маг.

Рыжий скривился, но возражать не стал. Глянул с интересом на Мию, будто лишь сейчас ее обнаружив, губы растянулись в ухмылке, но снова ничего не сказал. Исчез за дверью.

А Мия опять ничего не увидела.

— Садись, — велел мужчина и, зачерпнув из бочонка, сунул в руки ковшик. —пей.

Он смотрел внимательно, и девочка пригубила воду.

— Ты правильно сделала, что пришла ко мне. И тогда, при переходе, все было как должно. Ты не могла им помочь. Ни ты, ни кто-то другой. Они были стары или слишком юны, чтобы выдержать такое. Ты сильная и